

КОМАНДИРОВОЧНОЕ удостоверение было уже подписано, и билет на самолет лежал в кармане. Оставалось самое важное: договориться о встрече. В наше время, когда интервью стало таким же привычным для актеров, как, к примеру, отчеты о футбольных матчах для болельщиков, получить согласие человека известного, в популярности не нуждающегося, задача не из легких. Уставшие от журналистской назойливости знаменитости редкие свободные часы предпочитают провести в тишине. И даже такое мощное оружие, как комплименты и признания в любви, оказывается порой несостоятельным.

Все эти соображения пронеслись в моей голове, когда я снова и снова накручивала телефонный диск. Но первые же слова Котэ Махарадзе рассеяли сомнения. «По личным вопросам? — переспросил он. — Еще интереснее!». А дальше началась полоса везения. Потому что в этот вечер ни Софику, ни Котэ не были заняты в спектакле, вопреки обыкновению, не ожидалось прихода гостей, и даже трехлетняя внучка (Софику — бабушка... Вот открытие!), невероятная непоседа, прилепила личико к оконному стеклу — шел первый в ее жизни снег. Правда, усидеть четверть часа кряду на одном месте для Софику вещь абсолютно невозможная. Зато Котэ — полная противоположность, — терпеливо отвечал на все вопросы.

— ...И все-таки, кто в вашем доме режиссер?

ОН: — Софику, конечно. И режиссер, и дизайнер, и прораб...

ОНА: — О, какой скромный!

ОН: — Я самый тихий, самый скромный. Но есть точка, где я взял верх. В театре мне поручили возглавить одну общественную группу. Дали список, и кого, вы думаете, я там нахожу? Верико Анджапаридзе, Софику Чиаурели...

ОНА: — Он скромничает.

ОН: — Ни в коем случае. Вообще у нас в Грузии больше культ женщины, чем где бы то ни было.

— А за столом?

ОН: — До недавнего времени это было место, где режиссером считался я. И то Верико уже отнимает у меня роль тамады. В последний раз все мои попытки вставить хоть слово не увенчались успехом. Она и рта не дала раскрыть!

ОНА: — Вообще это великое искусство — руководить грузинским столом. Что только не входит в обязанности тамады! Он должен обладать незаурядным умом, чувством юмора.

ОН: — ...Быть дирижером, режиссером, актером, клоуном, если хотите, эквилибристом, танцором. Редко кто может сегодня вам назвать много таких людей. Кстати, институт тамады, если так выразиться, — лучший метод борьбы с пьянством и алкоголизмом. У нас не принято соображать на двоих — на троих. И спящих в метро или на скамейке вы не найдете.

ОНА: — Знаете, какой напиток больше всего любит Котэ? Ледяную воду.

ДОСТАТОЧНО несколько минут понаблюдать за супругами, чтобы убедиться — они совершенно разные. Часто спорят, потому что каждый по-своему воспринимает события в искусстве, и суждения совпадают крайне редко. Но вся прелесть этих споров, по словам обоих, в том, что они никогда не перерастают в ссоры.

ОН: — Я гуриец, она — хакетинка. Я старше на десять с половиной лет. И шесть месяцев в году она говорит, что я старше ее на целых одиннадцать лет.

ОНА: — Не верьте. Он шутит. Да-да, вот с таким серьезным видом.

...«Давай закроем двери, — говорит иногда Софику. — А если кто-то будет очень настойчив, пусть откроет мама и скажет, что нас нет». Но на самом деле дверь в доме на Сумбаташвили-Южина всегда открыта. И после одиннадцати до глубокой ночи здесь всегда гости. Круг-

лый год. И когда уставшая за длинный день Софику никого не пригласит, а потом вдруг взглянет на часы и изумится непривычной тишине только на миг. Потому что в следующую секунду устремится к телефону: «Нодар, ты почему не пришел? Ната, ты почему не пришла?».

ОН: — Софику — удивительная хозяйка. Она за пятнадцать минут и хачапури сделает, и еще тысячу вещей. Даже из соисок такое нафантазирует! Все это важно, но вот такие поговорки, как «путь к сердцу мужчины...» считаю хамством.

Порой слово, полслова, взгляд, поstonнному ничего не говорящие, для них значат очень много. Так, наверное, и должно быть. Но почему же так часто близкие друг другу люди не могут понять друг друга, не слышат, не замечают душевного состояния родного человека и тратят море слов, переливающихся через пороги отчуждения? И не могли мы в тот вечер не заговорить о счастье, о любви...

ОН: — Бывает, вдруг увидишь и... нечем дышать. Но это, по-моему, не любовь, а торжество мига. За что люблю? Тот, кто ответит на этот вопрос, либо кокетничает, либо выдает заранее готовые фразы. За что? За талант? За походку? За платье? И за то, и за то, и за то...

ОНА: — Я как раз думала, что такое счастье вообще. Как будто абстрактно. Бывает вдруг какой-то час, когда ты задыхаешься от... Мы называем это счастьем. Но всегда хочется, чтоб это длилось... И всегда страх потерять. Или вот так. Болит зуб, голова. Меня просто преследуют головные боли, а когда отходит, какая я счастливая! Я думаю часто, почему человек не ценит тех минут, тех часов?

А мое счастье с Котэ... Как сказать? Я никогда в жизни не была такой. Всегда играешь. С друзьями, на работе, с детьми. Все время идет игра. Еще и на сцене. А с Котэ я чувствую такую свободу, раскрепощенность потрясающую. Вообще он обладает искусством ставить себя ниже другого человека. Я — женщина и всегда чувствую себя женщиной. С ним не надо играть. Сейчас он начнет спорить, но я все же скажу. Стоит мне увидеть человека, и я уже знаю, что он из себя представляет. Понимаете, первое впечатление, которое потом оправдывается...

ОН: — Видите, она очень самоуверенная. Всегда. Просто не допускает, что может ошибиться. Не верит даже врачам. Вообще уверенность в себе — главное качество Софику.

ОНА: — Что касается этого... Дело в том, что у меня настолько яркие родители. Я не встречала таких людей, каким был мой отец. За что бы он ни брался, все получалось превосходно. Этот дом построен его руками. Каждая лесенка. Он был талантливым скульптором. Он пел. А его потрясающий глаз юмориста! Во мне выработалась не самоуверенность, а уверен-

ность. Я очень самокритична по отношению к своей личности, профессии...

В первый же миг очаровывает красота этого дома. Здесь все исполнено потрясающей одухотворенности. И догадываешься об одном: все то, что окружает Софику с детства, не могло не повлиять на нее. Она не могла не гордиться Верико Анджапаридзе и Михаилом Чиаурели — людьми, которые дали ей жизнь. Родителями. Но она унаследовала и требовательность их к себе, и творческую бескомпромиссность — не самое удобное качество для человека актерской профессии.

Быстрая, порывистая, нетерпеливая, она как бы подчеркивает спокойствие, выдержанность Котэ. Они почти не расстаются. Вот только на сцене почти не встречаются, хотя работают в одном театре.

ОН: — Она как-то снималась в Одессе. 25 дней. Я летал туда три раза. А когда предложили роль в фильме «Ищите женщину», Софику поставила условие: месяц

Озеров. С особым чувством слушаю репортажи Котэ Махарадзе...

ОН: — Любый репортаж — праздник, даже если игра проходила плохо. А слова «вел репортаж Котэ Махарадзе» воспринимаю чуть ли не как некролог.

— А друзья не завидуют тому, что всегда и везде вместе?

ОН: — Чуть-чуть ревнуют.

ОНА: — Понимаете, это само собой получается. Никто никого не принуждает.

— Как вы относитесь к советам друг друга?

ОН: — С одной только разницей. Я понимаю ее советы. Она мои — нет.

Как-то сразу наступила ночь. Погас день, кометой пролетел вечер. Софику пригласила попить чаю. Котэ занял место во главе большого стола, а через несколько минут аппетитно запахло только что испеченным хачапури, агатом засверкало сказочно вкусное ореховое варенье. Словно кто-то невидимый раскинул скатерть-самобранку.

ОН: — Это Софику...

ОНА: — У меня очень практичный муж. Совсем беспомощный. Ничего не умеет.

ОН: — Просто делаю вид.

ОНА: — Я один раз послала его на базар. Больше не посылаю.

ОН: — Софику может за секунду потратить сто рублей. Зато на базаре способна поспориться из-за пяти копеек.

ОНА: — Не поспорится, а поторговаться. Это совсем другое дело.

— А не случается ли вам завидовать друг другу?

ОН: — Зависть исключается. И белая и черная.

ОНА: — Честно говоря, я просто не знаю, кто из нас популярнее. И не понимаю, почему.

— И обоих узнают на улице...

ОНА: — И невозможно укрыться от глаз.

ОН: — Все врут, кто говорит, что популярность мешает. Или кокетничают. Что за актер, скажите, пожалуйста, который тридцать лет проработал, а его не узнают на улице?

— Как вы относитесь к комплиментам?

ОН: — Я считаю, что надо обязательно делать комплименты. И не забывать дарить цветы. В общем, соблюдать принципы рыцарской эпохи в отношении к женщине.

— Представьте, что ваши сокровенные желания выполняемы. Какие они?

ОН: — Чтобы процветал мой театр. Чтобы динамовцы Тбилиси стали обладателями Кубка европейских стран. И чтобы я вел комментарий.

ОНА: — Успеть сыграть свою роль. Уходят годы, дни, роли, которые завтра уже играть не тебе. Я не принадлежу к тем актрисам, которые и в шестьдесят играют двадцатилетних. Но все же первое мое желание — чтобы дети были здоровы.

— Жалуете ли вы о чем-либо?

ОНА: — Что в свое время отказалась сняться в двух фильмах.

ОН: — В «Собаке на сене» и в картине «Двадцать дней без войны».

Наш разговор — это естественно — часто касался театра. Трудностей и проблем, тревожащих обоих. И Софику и Котэ были очень откровенны. Далеко не всегда совпадали их мнения. Но каждый давал высказаться другому. Какое это редкое качество — умение слушать...

— Мы договаривались говорить только о личном, но все же, ваша любимая актриса?

ОН: — И еще спрашиваете...

Улочка полого спускалась с Горы Дум. Было очень тихо вокруг. И только редкие машины спешили куда-то в ночь. Город спал. Прежде чем уйти за поворот, я оглянулась. Только в одном доме горел свет. И двое сидели у распахнутого окна. А южный ветер сдувал с крыши снежинки. Утром обещали солнце.

Е. СВЕТЛОВА.

Тбилиси — Москва.